

Дин Сян

Ding Xiang

аспирантка кафедры философии
и культурологии Востока,
Санкт-Петербургский
Государственный университет

PhD student,
Department of Philosophy and
Cultural Studies of the East,
St. Petersburg State University

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN CHINA AND STRENGTHENING THE RELATIONS BETWEEN THESE COUNTRIES BY TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN HEILONGJIANG PROVINCE

Аннотация:

Предмет исследования настоящей статьи – интерпретация образа России в контексте преподавания русского языка в учебных заведениях провинции Хэйлуцзян как органического элемента культурных связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Не касаясь собственно образовательного процесса и связанных с ним вопросов теоретико-педагогического ряда, автор ставит цель выявить достижения и изъяны в данном сегменте северо-восточной образовательной системы, чтобы сохранить интерес китайского населения к русскому языку как важной части культуры России. Метод и методология исследования predetermined его целью, а также самобытностью изучаемого материала. Работа основана на методе аналитического восприятия источников, проясняющих сущность феноменов образа и культуры России в провинции Хэйлуцзян, литературного творчества русских эмигрантов в г. Харбине, преподавания русского языка в учебных заведениях; а также литературно- и культурно-историческом методах и методе сравнительно-исторического анализа. Новизна подтверждается тем, что в связи с региональной традицией провинция Хэйлуцзян, составляющая периферийную часть Северо-Восточного Китая и непосредственно граничащая с РФ, по-прежнему выступает транслятором образа России и продолжает оставаться главной транзитивной зоной кросс-культурного взаимодействия между двумя странами. В заключение констатируется, что интерес к культуре и образу России в провинции Хэйлуцзян поддерживается также благодаря актуальности русского языка в КНР, возрастанию количества студентов, желающих обучаться этому языку в учебных заведениях Китая, список которых приведен в статье. Система преподавания русского языка в вузах неуклонно совершенствуется, требуя все большего числа профессиональных русистов. Трансграничное сотрудничество способствует мобилизации местных ресурсов и их эффективному использованию в целях повышения жизненного уровня населения приграничных территорий, в том числе путем изучения русского языка. Развитие трансграничного взаимодействия между РФ и КНР приводит к повышению качества жизни жителей приграничья – провинции Хэйлуцзян.

Ключевые слова:

образ России, русский язык, российско-китайские культурные связи, Северо-Восток Китая, русские эмигранты, провинция Хэйлуцзян, город Харбин, китайская система образования, преподавание русского языка, интерпретация.

Summary:

The study interprets the image of Russia in the context of teaching Russian in educational institutions of Heilongjiang Province as an inherent element of cultural relations between the Russian Federation and the People's Republic of China. Without addressing the educational process and the relevant theoretical teaching issues, the author attempts to identify the strengths and weaknesses of this segment of the northeastern Chinese education system to maintain the interest of the Chinese population in the Russian language as an important part of Russian culture. The method and methodology of the research are predetermined by its purpose and the distinctiveness of the material under study. The research is based on the analytical perception of sources that clarify the phenomena of image and culture of Russia in Heilongjiang Province, the literary works of Russian émigrés in the city of Harbin, the Russian language teaching practices in educational institutions as well as literary and cultural historical methods and a comparative historical analysis. Because of the regional tradition, Heilongjiang Province, which is a peripheral part of Northeast China and an immediate neighbor of Russia, still broadcasts the image of Russia and remains the major transit zone of cross-cultural interaction between the two countries. In conclusion, it is stated that the interest in culture and image of Russia in Heilongjiang Province is also sustained by the relevance of the Russian language in the PRC and the increasing number of students who want to learn this language in Chinese educational institutions listed in the study. The teaching system of the Russian language in Chinese universities is steadily improving and requiring the involvement of more Russian philologists. The cross-border cooperation between Russia and China facilitates the mobilization and effective use of local resources to improve the living standards of the population of the border areas, in particular while learning the Russian language. The development of this cross-border cooperation leads to a better quality of life of Heilongjiang Province residents.

Keywords:

image of Russia, Russian language, Russian-Chinese cultural relations, Northeast China, Russian émigrés, Heilongjiang Province, city of Harbin, Chinese education system, teaching the Russian language, interpretation.

Русский язык как важная составляющая культуры России является актуальным средством коммуникации для культурного обмена между соседними странами. Благодаря русскому языку жители провинции Хэйлунцзян получают уникальную возможность интерпретировать образ России в Китае. В свою очередь родной язык стал тем фактором культуры, при помощи которого русским эмигрантам на рассматриваемой территории удалось, несмотря на трудности и лишения, сохранить национальное самосознание и самобытность, укрепить традиции, а также заработать достойную репутацию.

Распространение и популяризация русской культуры в Китае в целом и русского языка в частности повлияли на формирование межгосударственных, региональных и ведомственных уровней культурного сотрудничества между двумя государствами. Китай в приграничных районах старается смоделировать (даже искусственно воссоздать) геокультурную ситуацию, присущую российским территориальным общественным системам. Доказательством этого факта является то, что китайцы изучают язык, строят православные храмы, переселяют в приграничные районы потомков русских эмигрантов и т. д. Таким образом, региональная политика Китая направлена на устранение культурно-географических границ и полноценную интерпретацию образа России в провинции Хэйлунцзян.

Исследования особенностей образов Китая в России и России в Китае ранее проводили эксперт по истории, политике и культуре С. Тихвинский в Российской академии наук, синологи У. Галенович, А. Лукин, Н. Тен. Однако их работы не до конца позволяют сформировать целостную картину интерпретации образа России в современном Китае и посвящены отдельным аспектам.

В китайской литературе практически нет исследований, касающихся трактовки образа России, за исключением трудов по теории и практике перевода русской и советской литературы В. Алексеева, известных синологов Л. Черкасских и М. Шнейдера, а также ученых Хэ Хуйсинь, Ли Суян и Сюй Хуа. Методологический подход к изучению образа «Другого» в литературе применяется В. Земсковым, О. Поляковым, но эти работы не имеют прямого отношения к Китаю.

Имагология в литературоведении – предмет работ на английском языке М. Гамса из Тель-Авивского университета, который изучает жизнь русских эмигрантов в Китае (Харбине) и проблемы перевода русской литературы.

Отдельные аспекты тематики статьи стали предметом диссертационного исследования Цуй Юн. В нем автор раскрывает специфику образов России и Китая в межкультурной коммуникации, акцентируя внимание на взаимозаменяемости понятий «имидж» и «образ» в процессе межкультурного взаимодействия, имеющих общее семантическое поле (внешность, представление, облик, впечатление) и осмысленных в работе как синонимические. Кроме того, в диссертации Цуй Юн не предусмотрена локальная составляющая исследования, направленная на анализ приграничного региона Китая – провинцию Хэйлунцзян и город Харбин.

Отсутствие научных разработок, непосредственно раскрывающих тему статьи, укрепляет теоретическую значимость исследования. Дополнительным доказательством сказанного является введение в категориальный аппарат работ культурологического направления понятий «интерпретация образа России в Китае», «интерпретация образа России в провинции Хэйлунцзян». Ранее изучение и применение обозначенных категорий в научных работах не прослеживались.

Анализируя вопросы интерпретации образа России в Китае, отметим, что проблема межкультурной коммуникации на любом языке, конечно, не сводится исключительно к языковому вопросу. Знание языка носителя иной культуры необходимо, но еще не достаточно для адекватного взаимопонимания участников коммуникативного акта: каждое слово другого языка отражает иной мир и культуру.

Главная задача при освоении иностранных языков как средства коммуникации заключается в том, что процесс должен проходить в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [3, с. 575]. Поэтому характеристика преподавания русского языка и изучения культуры как факторов, которые помогают интерпретировать образ России в Китае, раскрывают историю межкультурных связей этих государств, крайне необходима.

С момента образования КНР (1949) и до 1991 г. (распад Советского Союза) государственные отношения между странами преодолели несколько разных этапов, каждый из которых сказался на степени востребованности русского языка и культуры.

Период конца 1940-х – 1950-х гг. ознаменовался небывалой ранее активностью культурного обмена между двумя странами: Советский Союз направил в Китай в общей сложности более 18 000 специалистов в разных областях знаний, КНР в СССР – около 14 500 студентов. Крупнейшие китайские издательства выпускали массовыми тиражами переводы произведений популярных русских и советских авторов. Большой спрос имели романы Н.А. Островского «Как закалялась сталь» (1933) и А.А. Фадеева «Молодая гвардия» (1946), первый за период 1949–1952 гг. печатался 7 раз, а его совокупный тираж достиг 207 млн экземпляров. Соответственно, русский язык как важная

составляющая в интерпретации образа России занял приоритетное место среди всех других иностранных языков в образовательной системе. Не будет большим преувеличением сказать, что его изучало почти все население КНР.

В начале 1960-х гг., вслед за охлаждением китайско-советских отношений и ослаблением интереса к культуре России в КНР, популярность русского языка в Китае резко снизилась. Число образовательных учреждений, в которых преподавали язык и изучали культуру, намного сократилось. Во многих школах, где прежде в программу входили уроки русского, эти занятия были устранены из учебных планов.

Период спада интереса к русскому языку и культуре и, соответственно, их изучению достиг максимума в 1990-х гг. С одной стороны, распад Советского Союза, военно-экономическая и международная нестабильность только что возникшего государства – Российской Федерации, с другой – углубление политического, экономического, научно-технического, культурного сотрудничества КНР с США и странами Евросоюза почти полностью остановили процесс изучения русского языка китайским населением, способствуя интенсивной популяризации европейских языков, прежде всего английского.

Ситуация начала меняться только в конце 1990-х гг. ввиду налаживания дипломатического сотрудничества, экономических связей между Китаем и странами Содружества Независимых Государств, где русский язык как главный инструмент транслирования образа России в мире по-прежнему оставался безальтернативным средством международной коммуникации. Знание этого языка возвращало китайским студентам перспективы карьерного роста и работы за рубежом.

В 1992 г. между РФ и КНР было подписано соглашение о сотрудничестве в области культуры, которое включало обоюдные обязательства стран по взаимному распространению языков [1, с. 109]. Расширению гуманитарного взаимодействия способствовали и другие договоры – «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» (2001) и «Об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации» (2005) [2].

В рамках укрепления российско-китайских связей 2009 год был объявлен годом русского языка в Китае. К тому времени в КНР функционировали уже 10 университетов и научно-исследовательских институтов, где не только было налажено изучение языка и культуры, но и созданы условия для написания и защиты диссертаций по лингвистическому, литературоведческому и культурологическому направлениям. Данные меры были направлены на повышение престижа русского языка как инструмента интерпретации образа России в КНР.

В 2014 г. РФ и КНР договорились о дальнейшем расширении культурного диалога, что потребовало увеличения количества профессионалов-русистов. Одновременно выяснилось, что прежние, разработанные еще в 1950-х гг., методики преподавания русского языка и изучения российской культуры в КНР во многом утрачены по причине почти полувекового перерыва в дружеских отношениях государств. Китайская образовательная система оказалась перед необходимостью не столько восстановления прежнего опыта, сколько создания качественно новых педагогических разработок.

В Хэйлунцзяне первым учебным заведением, где приступили к преподаванию русского языка, стала Харбинская школа иностранных языков, основанная в ноябре 1946 г. В ней предусматривались двух- или четырехлетний образовательные циклы. Преподавали более ста этнически русских педагогов, которые осуществляли основную часть образовательного процесса, и около 60 учителей-китайцев, дополнительно разъяснявших обучаемым грамматику и лексику [3, с. 2].

В 1956 г. школу преобразовали в Институт иностранных языков города Харбина, в 1958 г. его объединили с двумя другими высшими учебными заведениями и учредили Хэйлунцзянский университет, где открыли факультет русского языка [4, с. 4]. Его профессорско-преподавательский состав, помимо ведения педагогической практики, активно действовал в сотрудничестве с такими авторитетными образовательными центрами, как Пекинский и Шанхайский институты иностранных языков, занимаясь разработкой методологии преподавания русского языка.

Если в большинстве регионов Китая с 1980-х гг. русский язык продолжал оставаться невостребованным, то в Хэйлунцзяне, напротив, возрастала необходимость в русскоговорящих кадрах в связи с возобновлением в результате реформ Дэн Сяопина торговых и туристических связей с Советским Союзом. Такие специалисты, в первую очередь профессиональные переводчики, нужны были в промышленности, торговых структурах, занимавшихся закупкой не только продовольствия и предметов массового потребления, но и древесины, для полноценной работы пограничных служб, сфер туризма и обслуживания, а также в медицинских учреждениях, куда нередко обращались граждане, приехавшие из Советского Союза.

В целях совершенствования диалога культур обучение русскому языку наладили не только в государственных учебных заведениях, но и в появившихся к тому времени в Китае частных образовательных организациях. По инициативе китайского правительства в Советский Союз вновь стали направлять студентов для обучения языку, в вузы не только России, но и Украины и Белоруссии.

Объемы приграничной торговли с Россией еще больше возросли после событий 1991 г. Тогда же увеличился и контингент студентов, обучавшихся русскому языку. Часть местных институтов были повышены в статусе до университетов, занятия русским все чаще вводили в образовательные программы разных профилей. Система преподавания в рамках рассматриваемого направления неуклонно совершенствовалась, требуя все большего количества профессиональных русистов.

Однако в средней школе некоторое время сохранялся приоритет английского языка. В 1950 х гг. соотношение учеников, выбравших русский или английский, составляло 1 : 9, в 1963-м – 1 : 3, а в 2001 г. – 198 : 1 [5, с. 250]. По данным Научно-исследовательского отдела по вопросам преподавания русского языка в средней школе провинции Хэйлунцзян, в 2000 г. в Харбине данный предмет существовал только в двух средних учебных заведениях, причем одно из них, выпустив последний «русский класс» из 38 учеников в 2000 г., больше не проводило такие наборы. В средних образовательных организациях городов Цзямусы и Муданцзяна давать уроки русского языка вообще прекратили. В других городских и сельских школах округов Фуцзинь, Цицикар, а также в портовых городах Хэйхэ, Тунцзян, Фуюань, Жаохе занятия продолжают, хотя здесь плотность населения небольшая и наборы в «русские классы» невелики.

Общие статистические данные на начало XXI в. таковы: число учеников младшей ступени средней школы, изучающих русский язык, составляет 8 000, старшей ступени – 6 000, всего – менее 15 000 [6]. Удручающе выглядит и статистика 2016 г.: из 195 520 выпускников средней школы Хэйлунцзяна государственный экзамен по русскому языку сдавали всего 4 102 человека, что является историческим минимумом, хотя и никак не влияющим на образ России, формируемый на основе культурных взаимодействий.

Знаковым событием в процессе формирования образа современной России в Китае стало совместное с российскими вузами создание образовательных программ, которые успешно реализуются на протяжении последних двух десятилетий. К 2017 г. 74 китайских учебных заведения предлагали профессиональное образование по специальности «Русский язык», более 300 вузов утвердили программы, включающие в себя изучение русского языка. Свыше 50 вузов и научно-исследовательских институтов наладили прямое сотрудничество с российскими образовательными и академическими учреждениями, все чаще практикуя научный и кадровый обмен.

Совместные китайско-российские образовательные программы, реализуемые в провинции Хэйлунцзян, имеют две ключевые особенности: многообразие образовательных моделей и широкий набор специальностей и дисциплин. При этом сегодня, кроме совместных программ, в вузах сформировались собственные традиции. Например, в Институте иностранных языков города Суйхуа существует программа по специальности «Русский язык» для студентов, желающих достигнуть профессионального уровня во владении языком [7].

Согласно статистическим данным, поступившим от 53 факультетов русского языка и институтов за апрель 2004 г., в Хэйлунцзяне этот язык изучали 6 415 человек, среди них 5 127 бакалавров, 805 специалистов, 412 магистрантов, 58 аспирантов и 13 человек, обучающихся в постдокторантуре. Возрос и профессиональный уровень преподавателей: из 625 человек 95 имеют профессорское звание, 221 – доценты, 251 – старшие преподаватели и только 58 – ассистенты. Таким образом, преподаватели с высшими учеными званиями занимают 49,44 % от профессорско-преподавательского состава.

Новейшие данные с официального сайта Хэйлунцзянского университета таковы: русскому языку обучаются 630 бакалавров и 700 студентов на вечернем отделении, 100 человек – в магистратуре, 30 – аспирантуре, 10 – постдокторантуре. Доля магистрантов и аспирантов составляет 9,5 % от общего числа всех обучающихся. Преподавательский состав насчитывает 48 человек: 24 профессора, 14 доцентов, 10 старших преподавателей [8].

Следовательно, только в одном этом учебном заведении получают образование более 10 % от общего количества бакалавров, изучающих русский язык по всей стране. Лидерство вузов Хэйлунцзяна в данном сегменте образовательной системы КНР очевидно. Именно этот аспект позволяет говорить о том, что образ России в этом приграничном регионе КНР раскрывается полноценно и многогранно.

Согласно материалам официального сайта для регистрации на государственные экзамены «гаокао» составлен список из 24 основных вузов провинции Хэйлунцзян, готовящих специалистов по русскому языку (всего таких образовательных организаций 30) [9]. В 18 университетах на высоком профессиональном уровне осуществляется подготовка кадров по специальности «Русский язык», что составляет 24,3 % от всех вузов страны с аналогичными программами.

В пяти вузах в дополнение к имеющимся программам профессиональной подготовки предлагают курсы по переводу, преподаванию русского языка, медицинскому русскому, русскому языку и литературе, однако их доля составляет всего 26,2 % (таблица 1). Если сравнить проходные баллы

абитуриентов в 2017 г. на специальности по русскому языку, то самым низким будет 316, самым высоким – 595, минимальный показатель набора абитуриентов – 11 человек, максимальный – 200. Молодые люди поступали как на гуманитарные направления, так и на естественно-научные.

Таблица 1 – Список вузов провинции Хэйлунцзян, готовивших специалистов по специальности «Русский язык» в 2017 г.

Порядковый номер вуза	Вуз	Специальность	Направление	Средний проходной балл
1	Хэйлунцзянский университет	Русский язык	Гуманитарные науки	571
		Русский язык (Институт русского языка)		537
		Переводчик русского языка		526
		Русский язык (Институт иностранных языков)		565
2	Харбинский политехнический университет	Русский язык	Естественные науки	595
			Гуманитарные науки	517
3	Харбинский университет науки и техники	Русский язык	Гуманитарные науки	462
4	Хэйлунцзянский университет науки и техники	Русский язык	Гуманитарные науки	456
			Естественные науки	421
5	Северо-восточный нефтяной университет	Русский язык	Естественные науки	488
6	Университет г. Цзямусы	Русский язык	Гуманитарные науки	432
			Естественные науки	405
7	Северо-Восточный аграрный университет	Русский язык	Гуманитарные науки	519
			Естественные науки	513
8	Харбинский Медицинский институт	Клиническая медицина (группа русского языка)	Естественные науки	568
9	Харбинский Педагогический университет	Русский язык (непедагогический профиль)	Гуманитарные науки	500
		Русский язык	Естественные науки	502

Продолжение таблицы 1

10	Цицикарский университет	Русский язык	Естественные науки	432
11	Педагогический институт г. Муданцзян	Русский язык (перевод)	Гуманитарные науки	424
			Гуманитарные науки	428
		Русский язык	Естественные науки	397
12	Институт г. Харбин	Русский язык	Естественные науки	399
			Гуманитарные науки	434
13	Педагогический институт г. Дацин	Русский язык	Естественные науки	430
			Гуманитарные науки	439
14	Харбинский университет коммерции	Русский язык	Естественные науки	451
			Гуманитарные науки	457
15	Хэйлунцзянский Технологический институт	Русский язык	Естественные науки	362
			Гуманитарные науки	407
16	Хэйлунцзянский восточный университет	Русский язык	Естественные науки	354
			Гуманитарные науки	395
17	Хэйлунцзянский Инженерный институт	Русский язык	Естественные науки	402
			Гуманитарные науки	436
18	Харбинский институт Хуадэ	Русский язык	Естественные науки	316
			Гуманитарные науки	354
19	Институт г. Хэйхэ	Перевод (русский язык)	Естественные науки	371
			Гуманитарные науки	432
		Русский язык	Естественные науки	357
			Гуманитарные науки	431
Русский язык (педагогика)	Гуманитарные науки	422		
20	Институт г. Суйхуа	Иностранная литература (русский язык)	Естественные науки	401
			Гуманитарные науки	418

Очевидно, что для желающих учить русский язык в провинции Хэйлунцзян порог удовлетворения заявки в приемную комиссию уже достаточно низкий. Несмотря на высокие или низкие показатели и направление специализации, абитуриенту достаточно испытывать интерес к предмету и регистрироваться на экзамены по русскому направлению.

В 2004 г. Институт русского языка Хэйлунцзянского университета принял 174 человека, что на 53 абитуриента больше, чем в прошлом году [10]. В 2006/07 учебном году на специальность «Русский язык» в Харбинский педагогический университет пришли 170 человек, в 2009/10 году Институт города Хэйхэ преодолел отметку в 500 поступивших. Данные цифры отражают тенденцию увеличения количества абитуриентов, выбирающих для изучения русский.

С формальной точки зрения такие цифры не могут не радовать, однако на деле, как уже отмечалось, около 80 % студентов не имеют подготовки и базовых знаний по русскому языку. Им непросто успешно осваивать иностранный язык за время учебы, сложности ожидают их и с поиском работы. Однако благодаря географическому преимуществу провинции Хэйлунцзян и влиянию русской культуры на общую положительную оценку России большинством студентов с юных лет по-прежнему заинтересованы в освоении материала в данной области.

Следует отдельно отметить, что недавно Министерство образования КНР разработало план реформирования экзаменационной системы в средней школе. Первый, экспериментальный, этап реформы начался в 2017 г. К 2020 г. вся система экзаменов подвергнется обновлению. Наиболее значительные изменения предусмотрены для экзамена по иностранному языку. Шансы поступить в тот или иной университет и добиться успеха в будущей профессиональной деятельности будут определяться тем, насколько хорошо ученик старшей школы преодолевает государственные вступительные испытания «гаокао». Все обучение в школе будет направлено на достижение высоких результатов на итоговом экзамене [11, р. 82]. Смогут ли подобные новые меры способствовать дальнейшему продвижению русского языка – неизвестно. Однако сам факт заинтересованности властей во внедрении таких реформ в жизнь свидетельствует о процессе популяризации образа России в Китае посредством преподавания русского языка.

Подводя итоги, отметим, что в провинции Хэйлунцзян под влиянием историко-культурного наследия накоплен впечатляющий опыт преподавания русского языка и изучения культуры, который эффективно применяется в образовательной системе всей КНР. Общение интеллигенции на русском языке, привлечение китайских студентов к освоению различных русскоязычных программ, проведение совместных конференций, межвузовский обмен для совершенствования вербальных навыков укрепят процесс раскрытия образа России в КНР и взаимно обогащающие связи между государствами.

Охарактеризованная история преподавания русского языка в Китае как нельзя лучше демонстрирует силу его влияния на восприятие чужой культуры и подчеркивает существование общих историко-культурных факторов – как внутренних, так и внешних. При этом отметим, что в каждом регионе КНР наблюдаются местные особенности интерпретации образа России, продиктованные не в последнюю очередь локальными отношениями с РФ. Такова ситуация, сложившаяся в Хэйлунцзяне, где первый этап распространения русского языка был связан со строительством Китайско-Восточной железной дороги и затем с русской эмиграцией (после Октябрьской революции 1917 г.).

Представленные материалы вносят ощутимый вклад в дальнейшее исследование процессов интерпретации образа России в Китае посредством изучения и популяризации русского языка, а также в развитие китайско-российских культурных связей.

Ссылки:

1. Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1, ч. 2. С. 108–110.
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] : от 16 июля 2001 г. // Право РФ и КНР. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/002/200572502227_6502954.htm (дата обращения: 07.06.2019).
3. Ван Мин-юй, Юй Ся. История преподавания русского языка: современное положение и стратегия развития : доклад. Сямэнь, 2005. 19 с. На кит. яз.
4. Янь Хунбо. Взгляд с исторической перспективы на специфику преподавания русского языка в Китае // Преподавание русского языка в Китае. 1999. № 4. С. 1–7. На кит. яз.
5. Ху Вэньжун. Преимущества и недостатки китайского образования в области иностранных языков // Преподавание и исследование иностранных языков. 2001. Т. 33, № 4. С. 245–251. На кит. яз.
6. Ван Цинпин. Анализ современного положения преподавания русского языка в провинции Хэйлунцзян // Вестник Харбинского института коммерции. Сер.: Социальные науки. 2004. № 1. С. 124–125. На кит. яз.
7. Суйхуаский университет [Электронный ресурс] : официальный сайт. URL: <http://r.shxy.edu.cn> (дата обращения: 07.06.2019). На кит. яз.
8. Хэйлунцзянский университет [Электронный ресурс] : официальный сайт. URL: <http://www.hlju.edu.cn> (дата обращения: 07.06.2019). На кит. яз.

9. База данных вступительных экзаменов в колледж [Электронный ресурс] : официальный сайт. URL: <https://gkcx.eol.cn> (дата обращения: 07.06.2019). На кит. яз.
10. Ци Нилань, Сюэ Цзин. Преподавание русского языка в Хэйлунцзяне: возврат доминирующего положения [Электронный ресурс] // Ежедневная газета Хэйлунцзяна. 2005. 24 мая. URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2005/05/24/050039980.shtml> (дата обращения: 07.06.2019). На кит. яз.
11. Okhorzina Y.O., Jia Ma. Chinese Educational Traditions and Their Impact on the Process of Learning Russian // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 215. P. 79–83. [https://doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.577](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.577).

References:

- Golik, MYa 2016, 'Russian Language in China: Past and Present', *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1, part 2, pp. 108-110, (in Russian).
- Hu Wenzhong 2001, 'Advantages and Disadvantages of Chinese Education in the Field of Foreign Languages', *Foreign Languages Teaching and Research*, vol. 33, no. 4, pp. 245-251, (in Chinese).
- Official Website of Database of College Entrance Exams 2019, viewed 07 June 2019, <<https://gkcx.eol.cn>>, (in Chinese).
- Official Website of Heilongjiang University 2019, viewed 07 June 2019, <<http://www.hlju.edu.cn>>, (in Chinese).
- Official Website of Suihua University 2019, viewed 07 June 2019, <<http://r.shxy.edu.cn>>, (in Chinese).
- Okhorzina, YO & Jia Ma 2015, 'Chinese Educational Traditions and Their Impact on the Process of Learning Russian', *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 215, pp. 79-83, [https://doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.577](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.577).
- Qi Nilyan & Xue Jing 2005, 'Teaching the Russian Language in Heilongjiang: Recovery of Dominance', *Heilongjiang Daily Newspaper*, May 24, viewed 07 June 2019, <<https://heilongjiang.dbw.cn/system/2005/05/24/050039980.shtml>>, (in Chinese).
- 'Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation as of July 16, 2001' 2019, *Pravo RF i KNR*, viewed 07 June 2019, <http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/002/200572502227_6502954.htm>, (in Russian).
- Wang Ming-yu & Yu Xia 2005, *History of Teaching the Russian Language: the Current Situation and Development Strategy: a Report*, Xiamen, 19 p., (in Chinese).
- Wang Qingping 2004, 'Analyzing the Current Situation of Teaching the Russian Language in Heilongjiang Province', *Journal of the Harbin University of Commerce. Series: Social Sciences*, no. 1, pp. 124-125, (in Chinese).
- Yan Hongbo 1999, 'The Specific Nature of Teaching the Russian Language in China from a Historical Perspective', *Teaching the Russian Language in China*, no. 4, pp. 1-7, (in Chinese).